
ГОРОД,
КОТОРЫЙ
ПОМНИТ
Комната
№ 7

А А

Город , который помнит

https://litres.ru/74731077
SelfPub; 2026

Аннотация

ГОРОД, КОТОРЫЙ ПОМНИТ

Что страшнее: потерять близкого человека или узнать, что весь мир забыл о его существовании?

После смерти отца Вера Ланская возвращается в родной Вейск. Среди старых вещей она находит аудиозапись, которая раскрывает невозможную правду: когда-то у неё был младший брат. Его звали Миша. Он исчез много лет назад, но самое страшное — никто, кроме Веры, не помнит, что он вообще существовал.

Старые фотографии меняются на глазах. На городских картах появляются улицы, которых никогда не было. А из заброшенной комнаты 7 доносятся голоса тех, кого давно забыли.

Вера начинает расследование, не подозревая, что каждая найденная тайна приближает её к опасной черте.

Вейск хранит память обо всех. Но иногда он забирает её навсегда.

И если город однажды вспомнил о тебе — возможно, это последнее, чего стоит желать.

Содержание

ПРОЛОГ. ТРЕТИЙ ЗВОНОК 5
ГЛАВА 1. ГОРОД ВСТРЕЧАЕТ СВОИХ 9
ГЛАВА 2. ПУСТОЕ МЕСТО 18
ГЛАВА 3. АРХИВ БЕЗ ОКНА 25
ГЛАВА 4. УЛИЦА, КОТОРОЙ НЕТ 31
ГЛАВА 5. ЧЕЛОВЕК НА СНИМКЕ 37
ГЛАВА 6. КОМНАТА ЗА СТЕНОЙ 43
Конец ознакомительного фрагмента. 46

А А

Город , который помнит

ГОРОД,

КОТОРЫЙ ПОМНИТ

Мистический триллер · Психологическая фантастика · Детектив

РУКОПИСЬ

Пролог, главы 1–24 и эпилог

ПРОЛОГ. ТРЕТИЙ ЗВОНОК

◆

Вейск. Декабрь 1999 года.

В ту ночь Вера впервые услышала, как дом произносит её имя. Ей было семь лет. За окном падал мокрый снег, на кухне тикали настенные часы, а в коридоре пахло сырой штукатуркой. Мать уже давно уложила детей спать, но Вера не могла заснуть. За стеной кто-то ходил.

Не по квартире.

По той стороне стены, где не должно было быть никакой комнаты.

— Миш, — тихо позвала она.

Мальчик лежал на соседней кровати, укрывшись одеялом до подбородка.

— Что?

— Там опять ходят.

Миша приподнялся на локте.

— Я знаю.

Вера посмотрела на дверь. Из-под неё пробивалась тонкая полоса света. Мать оставила лампу в коридоре включённой, как делала всегда. Но сейчас свет был странным. Не жёлтым, а каким-то серым, будто лампочка освещала не коридор, а туман.

— Давай позовём маму.

— Не надо.

— Почему?

Миша долго молчал.

— Она сказала, что сегодня нельзя открывать.

— Что открывать?

Мальчик не ответил. Тогда раздался первый стук.

Три коротких удара.

Не в дверь.

Внутри стены.

Вера села на кровати.

— Это кто?

Миша закрыл глаза.

— Не отвечай.

Через несколько секунд последовал второй стук. На этот раз громче. А потом из коридора донёсся голос.

— Вера?

Девочка замерла. Это был её собственный голос. Тот же детский тембр, та же интонация, даже лёгкая хрипотца, которая появлялась, когда она долго разговаривала.

— Вера, открой. Мне холодно.

Миша вскочил с кровати и схватил её за руку.

— Не слушай!

— Но это же я...

— Нет.

Третий стук прозвучал так сильно, что задрожали стёкла. Дверь спальни медленно приоткрылась. На пороге стояла

мать. Она была босая, в ночной рубашке, с перепуганным лицом. В правой руке женщина держала старую фотографию.

— Вы оба должны запомнить, — произнесла она. — Что бы ни случилось утром, вы никогда не должны забывать друг друга.

Вера хотела спросить, что происходит, но мать приложила палец к губам. Затем посмотрела на Мишу.

— Особенно ты.

За её спиной коридор казался бесконечным. Там, где должна была находиться входная дверь, теперь виднелась узкая лестница, уходящая вниз. Ступени были покрыты снегом. Из темноты кто-то позвал:

— Миша...

Мальчик отпустил руку сестры.

— Они знают, что я здесь, — прошептал он.

— Не ходи! — закричала Вера.

Но он уже сделал шаг. Мать бросилась к нему, однако было поздно.

Свет погас.

В темноте Вера услышала, как кто-то произнёс:

— Спасибо, что оставили нам память.

А потом наступила тишина. Утром в доме было спокойно. Часы снова тикали. Снег за окном растаял. На кухне мать готовила завтрак. Вера сидела за столом и смотрела на пустой стул напротив.

— Мам, а где Миша?

Женщина остановилась с чашкой в руках. Несколько секунд она смотрела на дочь, словно пыталась понять вопрос. Затем осторожно поставила чашку на стол.

— Какой Миша, Верочка?

И девочка впервые поняла, что иногда страшнее всего не потерять человека. Страшнее — когда весь мир утверждает, что его никогда не существовало.

ГЛАВА 1. ГОРОД ВСТРЕЧАЕТ СВОИХ

◆

Вейск. Декабрь 2016 года.

Поезд прибыл в Вейск в шесть сорок две утра. Вера Ланская проснулась за несколько минут до остановки. Она не помнила, когда именно заснула, но голова болела так, словно всю ночь кто-то стучал изнутри черепа. За окном медленно проплывали серые здания, мокрые платформы и редкие фонари. Вейск почти не изменился.

Те же низкие дома с облупившейся краской. Те же старые деревья вдоль железнодорожных путей. Та же водонапорная башня на окраине, которую она помнила ещё с детства.

Изменилось только ощущение. Когда-то этот город казался ей огромным. Теперь он выглядел маленьким, тесным и каким-то усталым.

Вера достала телефон. На экране было несколько уведомлений. Последнее сообщение пришло от нотариуса ещё вчера вечером:

«Документы готовы. Ключи от квартиры отца находятся в конверте. Ждём вас в назначенное время».

Она выключила экран. Отец умер одиннадцать дней назад. В последние годы они практически не разговаривали.

Иногда он присылал короткие сообщения на праздники, иногда звонил, но их разговоры редко продолжались больше пяти минут. Она уехала из Вейска семнадцать лет назад и не собиралась возвращаться.

Но теперь Андрея Ланского не было. И квартира, в которой прошло её детство, оставалась единственным делом, которое требовало завершения. Вера подняла чемодан с верхней полки и вышла на платформу. Холодный воздух ударил в лицо.

Она остановилась возле таблички с названием станции.

ВЕЙСК.

Под названием кто-то выцарапал на краске маленькую цифру семь.

Вера нахмурилась. Ей показалось, что она уже видела эту отметку.

Давным-давно.

— Простите, девушка.

Рядом стояла пожилая женщина в тёмном пальто. В руках она держала небольшой букет белых цветов.

— Вы Ланская?

Вера обернулась.

— Да.

Женщина внимательно посмотрела на неё.

— Выросли совсем.

— Мы знакомы?

— Конечно. Я вас помню.

В её голосе было что-то такое, от чего Вере захотелось поскорее закончить разговор.

— Вы, наверное, ошиблись.

— Нет. Ваш отец часто приходил сюда. Ждал вас.

Вера отвела взгляд.

— Это было давно.

Женщина кивнула, затем посмотрела на чемодан.

— А мальчик где?

Вера снова повернулась к ней.

— Какой мальчик?

— Ну как же... Который всегда с вами был.

— Я приехала одна.

Старушка нахмурилась.

— Странно.

— Что именно?

— Я думала, он тоже вернётся.

— Кто?

Но женщина уже уходила. Она медленно пересекла платформу и скрылась за дверью вокзального здания. Вера несколько секунд смотрела ей вслед. Потом достала телефон и открыла список контактов.

Она набрала номер нотариуса, но передумала звонить. Вместо этого вызвала такси.

* * *

Дорога до центра занимала около пятнадцати минут. Водитель оказался немногословным мужчиной лет пятидесяти.

Услышав адрес, он посмотрел на Веру в зеркало заднего вида.

— На Набережную?

— Да.

— К Ланскому?

— Вы его знали?

— Весь город знал Андрея Павловича.

Машина свернула на узкую улицу.

— Хороший был человек, — продолжил водитель. — Только странный немного.

— В каком смысле?

— Всё записывал. Людей, дома, разговоры. Даже то, что никто не просил записывать.

Вера посмотрела в окно. Отец действительно работал в городском архиве. Всю жизнь занимался старыми документами, фотографиями и историей Вейска. Иногда она шутила, что он помнит о городе больше, чем о собственной семье. Отец на такие шутки не обижался.

Однажды он ответил:

«Город не обязан помнить людей. Но кто-то должен помнить за него».

Тогда Вера не придала этим словам значения.

— А вы давно вернулись? — спросил водитель.

— Сегодня утром.

— Надолго?

— Пока не разберусь с квартирой.

Мужчина кивнул.

— Значит, ненадолго.

— Почему?

Водитель не ответил сразу.

— Здесь тяжело оставаться тем, кто когда-то уехал.

Вера хотела спросить, что он имеет в виду, но машина уже остановилась возле старого четырёхэтажного дома. Это было её место рождения.

Дом номер семнадцать. Вера расплатилась, вышла и посмотрела на окна квартиры отца. На третьем этаже горел свет.

Она нахмурилась. Нотариус говорил, что после смерти отца в квартире никого не было.

Возможно, соседи. Вера подняла чемодан и вошла в подъезд.

* * *

Лифт не работал. На стенах лестничной клетки сохранились старые объявления, выцветшие фотографии и следы от снятых почтовых ящиков. На третьем этаже Вера остановилась перед знакомой дверью. Ключ повернулся с трудом.

Внутри пахло пылью, древесиной и чем-то едва уловимым — запахом старой бумаги.

Она включила свет. Квартира выглядела почти так же, как в последний раз. Те же часы над дверью. Та же книжная полка. Старое кресло возле окна. Только на столе лежала стопка конвертов.

Вера сняла пальто и прошла в комнату. На самом верхнем конверте было написано её имя.

Почерк отца.

Она взяла письмо.

«Вере. Прочитать после моего ухода».

Вера долго смотрела на надпись.

Затем открыла конверт. Внутри оказался небольшой лист бумаги и старый аудиокассетный носитель. На бумаге было всего несколько строк:

«Дочь.

Я знаю, что ты не поверишь мне. Но если ты вернулась в Вейск, значит, всё началось снова. Не ищи объяснений у соседей. Не доверяй старым фотографиям.

И ни при каких обстоятельствах не произноси имя, которое тебе не принадлежит.

Прости меня.

Папа». Вера перечитала письмо дважды.

— Господи, что ты опять придумал...

Она положила бумагу на стол. Кассета была без подписи. На прозрачном корпусе виднелись небольшие царапины. Вера работала реставратором аудиозаписей и хорошо понимала, сколько лет могло быть этому носителю.

Не меньше двадцати. Она нашла старый кассетный магнитофон в нижнем ящике письменного стола. Удивительно, но отец сохранил его в рабочем состоянии.

Вера вставила кассету.

Нажала кнопку воспроизведения.

Сначала послышался шум. Длинный, неприятный, похожий на ветер в телефонной трубке. Потом раздался голос отца.

— Вера... Если ты слушаешь это, значит, я не успел.

Она замерла. Голос звучал тихо, с заметной одышкой.

— Я не знаю, сколько времени у нас осталось. Возможно, у тебя уже появились вопросы. Возможно, ты даже начала вспоминать.

Пауза.

Щелчок.

— Ты не была одна, Вера.

Она почувствовала, как напряглись плечи.

— В нашей семье был ещё один ребёнок. Твой младший брат.

Из магнитофона донёсся треск. Вера опустилась на край кресла.

— Это невозможно, — прошептала она.

Но запись продолжалась.

— Его звали Михаил. Мы называли его Мишей. Он исчез в декабре девяносто девятого года. После той ночи город начал менять воспоминания людей. Кто-то забыл его лицо. Кто-то забыл его имя. А некоторые забыли даже собственных детей.

Голос отца сорвался.

— Я пытался сохранить правду. Я оставлял записи, фото-

графии, документы. Но каждый раз что-то исчезало.

Магнитофон щёлкнул. Несколько секунд звучала тишина.

Затем отец произнёс:

— Вера, если ты помнишь хотя бы одну вещь из того времени, не отказывайся от неё. Даже если все вокруг будут доказывать обратное.

Запись закончилась.

Магнитофон продолжал вращать пустую ленту.

Вера сидела неподвижно. У неё не было брата. Она точно знала это. У неё не было ни совместных фотографий, ни детских воспоминаний, ни семейных историй о младшем ребёнке.

Она выросла одна. По крайней мере, так ей всегда говорили. Вера достала телефон и открыла галерею. На экране появились старые фотографии из семейного архива.

Вот она возле новогодней ёлки. Вот она на школьной линейке. Вот она с отцом на берегу реки. На каждой фотографии была только она.

Но на последней фотографии что-то показалось странным. Снимок был сделан в квартире. Вера стояла возле окна, улыбаясь в камеру. Позади неё виднелась стена. А на стене висел рисунок.

Два ребёнка держались за руки. Под рисунком детским почерком было написано:

«Вера и Миша. Вместе навсегда».

Вера увеличила изображение. Она никогда не видела это-

го рисунка. И всё же ей показалось, что она знает каждый его штрих. Из магнитофона внезапно раздался тихий щелчок.

Вера обернулась. Кассета снова начала воспроизводиться. Она была уверена, что лента закончилась.

Сначала появился шорох.

Затем послышалось дыхание.

И детский голос. Мальчик говорил очень тихо, словно находился где-то далеко.

— Вер...

Она перестала дышать.

— Вер, ты меня слышишь?

Вера приблизилась к магнитофону.

Голос повторил:

— Ты обещала меня не забывать.

И после короткой паузы добавил:

— Почему ты опять меня забыла?

ГЛАВА 2. ПУСТОЕ МЕСТО

◆

Вера не спала до рассвета. Кассету она больше не трогала. Магнитофон стоял на столе, отключённый от розетки, но всякий раз, когда Вера проходила мимо, ей казалось, что внутри аппарата продолжает вращаться лента.

Она проверила батарейки, шнур, отсек для кассеты. Никаких скрытых динамиков или устройств отец не оставил. Запись могла быть монтажом, чьей-то жестокой шуткой, но голос мальчика звучал слишком близко. В нём была особая детская доверчивость, которую трудно сыграть взрослому. Утром Вера решила начать с простого: выяснить, существовал ли Михаил Ланский в документах.

На кухне она поставила чайник и открыла ноутбук. Старые семейные файлы хранились на внешнем диске, который отец когда-то передал ей вместе с фотографиями. Большая часть снимков была оцифрована самой Верой ещё до отъезда. Она помнила эту работу: сканер, пыль на стекле, осторожные движения кистью. Помнила — и всё же теперь в её памяти зиял пробел.

В папке «Семья» лежали три десятка изображений. На одних она была младенцем, на других — школьницей. Родители появлялись рядом, иногда в кадр попадали соседи и дальние родственники. Но ни одного мальчика.

Она открыла снимок с рисунком на стене и увеличила его до предела. Лица нарисованных детей были обозначены двумя кружками и короткими линиями. Никаких особенностей. Возле одного кружка стояла буква «В», возле второго — «М». Вера перевела взгляд на дату файла. Снимок был сделан в мае 1999 года. За семь месяцев до исчезновения брата, о котором она не помнила.

Она распечатала фотографию. Принтер вывел изображение с тонкими полосами, но надпись под рисунком сохранилась отчётливо.

«Вера и Миша. Вместе навсегда».

На обороте распечатанного снимка Вера написала дату и вопросительный знак. Затем набрала номер матери. Гудки шли долго. После шестого сработала голосовая почта. Вера сбросила вызов, не оставив сообщения. Она не знала, что именно спросит, когда мать ответит. «У меня был брат?» — вопрос звучал нелепо, почти обвинительно. Но другого начала не находилось.

Вера открыла старую записную книжку отца. Между адресами и номерами телефонов обнаружилась карточка с короткой пометкой: «Н. С. — соседка, кв. 12. Помнит до конца». Номер телефона был зачёркнут, а рядом стоял адрес: Набережная, 17. Квартира двенадцать находилась этажом ниже. Вера спустилась и позвонила в дверь.

Открыли не сразу. За дверью раздался осторожный шорох, затем щёлкнул замок. На пороге стояла сухая пожилая

женщина в тёмном халате. Её седые волосы были собраны в тугой узел.

— Вы к кому? — спросила она.

— Я Вера Ланская. Живу этажом выше. Раньше жила.

Женщина всмотрелась в её лицо. В глазах мелькнуло узнавание, но почти сразу сменилось тревогой.

— Андрей умер, — сказала Вера. — Я разбираю его вещи. Нашла вашу фамилию в его записной книжке. Кажется, вы были знакомы.

— Была, — ответила женщина. — Проходите. Только ненадолго.

В квартире пахло валерьянкой и сушёными яблоками. На подоконнике стояли одинаковые горшки с геранью, а на стене висел календарь, отставший на целый месяц. Женщина представилась Ниной Савельевной.

— Вы помните моего отца? — спросила Вера.

— Разумеется. Он часто приходил ко мне. Просил подтвердить разные вещи.

— Какие?

Нина Савельевна посмотрела на дверь, словно проверяла, плотно ли та закрыта.

— Что в вашей квартире жили двое детей.

Вера почувствовала, как холодеют пальцы.

— Вы помните моего брата?

Старуха резко подняла глаза.

— Не называйте его здесь.

— Почему?

— Стены тонкие.

— Это звучит безумно.

— Тогда зачем вы пришли?

Вопрос прозвучал негромко, но Вера не нашлась с ответом. Нина Савельевна медленно поднялась и подошла к комоду. Из нижнего ящика она достала плоскую коробку из-под печенья. Внутри лежали пуговицы, пожелтевшие открытки и несколько фотографий.

— Ваш отец просил отдать это вам, если вы вернётесь сама, — сказала она. — Не раньше.

— Почему вы не отдали сразу?

— Потому что он не был уверен, что вы вернётесь той же, какой уехали.

В коробке лежала фотография размером с ладонь. На ней Вера, совсем маленькая, стояла возле песочницы. Рядом был мальчик в красном свитере. Он держал её за рукав и смотрел не в камеру, а куда-то за фотографа. Лицо мальчика было смазано. Не расфокусировано — именно смазано, словно кто-то провёл по ещё влажной эмульсии пальцем.

— Это он? — спросила Вера.

Нина Савельевна кивнула.

— Миша.

Слово повисло между ними. Вера всматривалась в снимок и вдруг ощутила не воспоминание, а телесную реакцию: ладонь сама собой потянулась к руке мальчика. На секунду ей

показалось, что она снова стоит возле песочницы, слышит скрип качелей и чувствует, как маленькие пальцы сжимают её рукав.

Потом ощущение исчезло.

— Почему его лицо такое? — спросила она.

— На других фотографиях сначала было видно. Потом стало пропадать.

— Фотографии не меняются сами по себе.

— Я тоже так думала.

Нина Савельевна вернула снимок в коробку, но Вера остановила её.

— Можно оставить его у меня?

Старуха медленно покачала головой.

— Пока нет. Он должен остаться здесь. На время.

— Вы сказали, что отец просил отдать коробку.

— Я сказала, что он просил отдать вам кое-что. Не всё.

Нина Савельевна вынула из коробки небольшую латунную пуговицу. На её обратной стороне была выбита цифра семь.

— Это нашли возле вашей двери на следующее утро после той ночи, — сказала она. — Ваш отец утверждал, что пуговица принадлежала мальчику. Я не знаю, правда ли это. Но он никогда не расставался с этой вещью.

Вера взяла пуговицу. Металл оказался неожиданно холодным.

— Что случилось той ночью?

Старуха закрыла коробку.

— Спросите отца.

— Он умер.

— Тогда спросите его записи. Но не меня.

Вера поднялась. В прихожей Нина Савельевна вдруг схватила её за запястье.

— И ещё одно. Если услышите стук, не считайте удары.

— Что это значит?

— Неважно, сколько их. Важно, чтобы вы не ответили.

Вера высвободила руку и вышла на лестницу. Дверь за её спиной закрылась почти бесшумно. На площадке она остановилась и посмотрела на пуговицу. На металле проступали мелкие царапины, будто её долго носили в кармане вместе с ключами. Вера перевернула находку. Под цифрой семь кто-то нацарапал две буквы: «М. Л.»

Она поднялась к себе и положила пуговицу рядом с фотографией. На этот раз она заметила то, чего не увидела у Нины Савельевны: на снимке за спиной мальчика находилась стена дома. На стене висела табличка с номером.

Не семнадцать.

Семь. Вера достала телефон, чтобы сфотографировать изображение, но экран на мгновение погас. Когда он снова загорелся, в отражении тёмного окна за её спиной стоял ребёнок.

Она резко обернулась.

Комната была пуста.

На стекле медленно проступили буквы, словно их выводили невидимым пальцем с другой стороны:

«ТЫ ПОМНИШЬ».

ГЛАВА 3. АРХИВ БЕЗ ОКНА

◆

Городской архив занимал бывшее здание земской управы на площади Ремесленников. Вера помнила широкие ступени, тяжёлую входную дверь и запах бумаги, который ощущался уже в вестибюле. В детстве она несколько раз приходила сюда с отцом. Тогда ей казалось, что архив — это место, где прошлое лежит на полках и терпеливо ждёт, пока его кто-нибудь прочитает.

Теперь здание выглядело меньше. На фасаде заменили часть лепнины, над входом повесили электронное табло, но старые окна по-прежнему казались тёмными даже днём. Вера прошла к стойке регистрации и назвала фамилию отца.

— Андрей Павлович Ланский? — переспросил молодой сотрудник. — Он у нас работал. Но личные материалы выдаются по запросу и не сразу.

— Мне нужны документы о составе семьи. Примерно за 1992–2000 годы. И любые записи, которые он оставил по истории домов на Набережной.

Сотрудник попросил паспорт и предложил заполнить бланк. Вера указала цель запроса: «семейное исследование». Слово «исчезновение» она писать не стала. Пока документы оформляли, из служебного коридора вышел высокий мужчина в очках. Он остановился, увидев Веру, затем снял очки

и протёр их краем свитера.

— Вера Андреевна?

Она узнала его не сразу. Лицо изменилось, волосы заметно поредели, но привычка наклонять голову в сторону осталась.

— Павел Сергеевич?

— Вот уж не думал, что встречу тебя здесь.

Это был Павел Орлов, бывший коллега её отца. Когда Вера была подростком, он часто заходил к ним домой и приносил старые книги. Отец называл его Пашей, хотя мужчина был старше на несколько лет.

— Мне сказали, вы всё ещё работаете здесь.

— Пока архив не закрылся окончательно, кто-то должен следить, чтобы мыши не стали главными историками города.

Он улыбнулся, но улыбка быстро исчезла.

— Примите мои соболезнования. Андрей был... — Павел замолчал, подбирая слово. — Упрямым человеком.

— Я уже слышала это.

— Значит, он успел оставить тебе свои объяснения.

Вера внимательно посмотрела на него.

— Вы знаете, что он мне оставил?

— Не знаю. Но последние годы он почти ничего не обсуждал. Только просил проверять документы, которые уже проверяли десятки раз.

— Какие документы?

Павел оглянулся на стойку.

— Пойдём. Здесь неудобно.

Он провёл её в читальный зал, где пахло пылью и старым клеем. Из окон виднелась площадь, но одно окно было закрыто плотной фанерой. На столах лежали папки с инвентарными номерами.

— Твой отец искал записи о детях, зарегистрированных по адресу Набережная, семнадцать, — сказал Павел. — В первую очередь за девяносто девятый год.

— И что нашёл?

— Ничего. По официальным документам в квартире проживали Андрей Павлович, его жена Марина и одна дочь — ты.

— А если записи удалили?

— Тогда должен остаться след удаления. В архиве почти всё оставляет след.

Вера достала фотографию с мальчиком в красном свитере и положила на стол.

— Вы его узнаёте?

Павел не прикоснулся к снимку. Он смотрел на него слишком долго.

— Где ты это взяла?

— У соседки.

— Нина Савельевна всё ещё живёт в семнадцатом доме?

— Да. Вы знаете фотографию?

Павел наклонился ближе.

— Я помню этот свитер.

— Значит, вы помните Мишу?

Мужчина резко поднял глаза.

— Не произноси его имя здесь.

Вера почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Все говорят мне одно и то же. Почему?

— Потому что я не знаю, что именно происходит. Но знаю, что после некоторых слов документы начинают вести себя странно.

Он поднялся и прошёл к шкафу с картотекой. Достал тонкую папку с потёртым корешком и вернулся к столу.

— Это не должно было сохраниться, — сказал Павел.

Внутри лежали копии регистрационных карточек жильцов дома номер семнадцать. Почерк был машинописным, даты — выцветшими. На карточке семьи Ланских значились только три строки: Андрей, Марина и Вера. Но ниже оставался участок бумаги, отличавшийся по цвету. Как будто четвёртую строку вырезали очень острым ножом, а потом подклеили пустой фрагмент.

— Вот, — сказал Павел. — Смотри на края.

Под лупой были видны волокна, направленные неестественно ровно. Это действительно было физическое повреждение документа.

— Кто это сделал?

— Не знаю. В электронном журнале карточка числится целой. В бумажной версии — тоже. Только эта копия почему-то осталась в рабочей папке твоего отца.

Вера провела пальцем над пустым местом, не касаясь бумаги.

— Можно узнать, что там было?

— В теории — по соседним журналам, домовой книге, школьным спискам. Но я уже пробовал. Знаешь, что странно? Везде одно и то же: словно в течение нескольких лет никто не замечал второго ребёнка, хотя документы оформлялись разными людьми и в разных учреждениях.

— Может быть, он был приёмным?

— Тогда были бы другие бумаги. Их нет.

Павел помолчал, затем открыл папку на последней странице. Там лежала крошечная записка, написанная от руки. Вера сразу узнала почерк отца.

«Если копия сохранилась, значит, пустое место ещё не закрыто. Не искать по имени. Искать по адресу».

— Что значит «не искать по имени»? — спросила Вера.

— Твой отец повторял это постоянно. Он считал, что записи о человеке исчезают быстрее, если произносить его имя вслух или вводить его в поисковые системы.

— Это невозможно.

— Разумеется. Но он не был человеком, который легко поддаётся фантазиям. И, Вера, он боялся не за себя.

— За кого?

Павел посмотрел на фотографию.

— За тебя.

Из коридора донёсся скрип тележки. Сотрудник архи-

ва прошёл мимо двери, волоча коробку с документами. На мгновение свет в читальном зале мигнул. Вера опустила глаза на карточку. В пустой строке, где минуту назад не было ничего, проступали серые буквы. Они возникали медленно, будто проявлялись на фотобумаге.

Сначала дата: 1994. Затем адрес: Набережная, 17.

И наконец имя:

МИХАИЛ.

Вера подняла голову. Павел побледнел.

— Закрой папку, — прошептал он.

— Но вы же видите...

— Закрой!

Она захлопнула обложку. Свет погас. В темноте послышался короткий шелест бумаги, а затем тихий детский смешок. Когда аварийные лампы загорелись, Павел стоял у двери. Папка лежала на столе закрытая, но фотография исчезла. Вера проверила сумку. Снимка там не было.

На столе осталась только латунная пуговица с цифрой семь. Павел посмотрел на неё так, словно увидел не пуговицу, а приговор.

— Теперь оно знает, что ты ищешь.

— Что именно?

Он не ответил. За окном, за фанерой на месте отсутствующего стекла, трижды ударило что-то тяжёлое. И каждый удар пришёлся точно в такт настенным часам.

ГЛАВА 4. УЛИЦА, КОТОРОЙ НЕТ

◆

Павел отказался провожать Веру до выхода. Он запер папку в металлическом шкафу и попросил её больше не приходить в архив без предупреждения. На прощание он дал ей листок с адресом старой картографической мастерской.

— Там хранятся копии городских планов, которые ещё не перевели в цифровой вид, — сказал он. — Твой отец бывал там. Возможно, ты найдёшь то, что он искал.

— Почему вы сами не хотите мне помочь?

Павел долго смотрел на неё.

— Потому что у меня есть дочь. И потому что я уже однажды решил, что смогу помочь твоему отцу.

Он не стал объяснять, чем закончилась та попытка. Мастерская находилась в подвале бывшей типографии на улице Советской. Над входом висела выцветшая вывеска «Планы и чертежи». Дверь была открыта, хотя внутри горела только настольная лампа. За большим столом сидел мужчина с седой бородой и увеличительными очками на лбу. Он рассматривал карту, закреплённую по углам латунными грузиками.

— Закрыто, — сказал он, не поднимая головы.

— Мне нужен городской план Вейска за девяносто девятый год.

— Закрыто, — повторил мужчина.

Вера положила на край стола визитку Павла Орлова. Мужчина поднял глаза, увидел фамилию и вздохнул.

— Для Павла можно сделать исключение. Но только посмотреть. Ничего не фотографировать.

Он назвался Семёном Ильичом и провёл Веру к стеллажу. Там хранились свёрнутые планы разных лет: от дореволюционных чертежей до схем коммуникаций конца двадцатого века.

— Что именно ищете?

— Улицу. Возможно, переулок. Он должен находиться между Набережной и старой котельной.

Семён Ильич перестал перебирать свёртки.

— Как называется?

— Не знаю.

— Тогда вы ищете не улицу, а неприятности.

Вера вынула из кармана записку отца. На ней было написано: «Лазарная. Между 16 и 18. Не входить после снега». Мужчина прочёл, затем снял очки.

— Кто дал вам это?

— Отец.

— Андрей Павлович...

Он осторожно взял листок двумя пальцами, будто тот мог испачкать руки.

— Лазарная улица не существует. Её закрыли ещё до войны. Там был военный лазарет, потом бараки, потом ничего. Место заняли новые дома.

— Но отец написал, что она между шестнадцатым и восемнадцатым домами.

— Между ними двор.

— Можно увидеть старые планы?

Семён Ильич некоторое время колебался. Потом достал из шкафа плоскую папку, которую не было видно за другими свёртками.

Первый план был датирован 1936 годом. На нём Лазарная улица проходила от Набережной к небольшой площади, обозначенной пустым кругом. Второй план, 1968 года, показывал на этом месте серый прямоугольник без подписи. На плане 1991 года вместо улицы уже стоял жилой дом номер семнадцать.

— Видите? — спросил картограф. — Никакой загадки. Застроили, перенесли проезд, изменили нумерацию.

— Тогда почему на схеме 1999 года есть отметка?

Вера развернула следующий лист. Он был тоньше, почти прозрачный, с красной сеткой и пометками от руки. На нём снова значилась Лазарная улица. Но теперь она не соединяла две точки. Она уходила внутрь квартала и заканчивалась у прямоугольника, на котором стояла цифра семь. Семён Ильич резко отодвинулся.

— Уберите это.

— Почему?

— Потому что такой план не должен существовать.

— Он настоящий?

— Я не знаю. Я его никогда не видел.

Вера заметила в нижнем углу штамп архива и подпись отца. План был составлен в декабре 1999 года.

— Вы сказали, что не видели его. Но ваш штамп...

— Я сказал, что не видел. Не значит, что не узнаю.

Семён Ильич свернул лист, но Вера придержала край.

— Мне нужно понять, что произошло в ту ночь.

— Нет, — сказал он. — Вам нужно уехать из Вейска.

— Все советуют мне уехать. Никто не объясняет почему.

— Потому что объяснение не поможет.

Он достал из кармана маленький ключ с круглой головкой и положил рядом с картой.

— Это от служебной калитки за старой котельной. Калитка давно заложена кирпичом. Но если в городе снова появился проход, вы найдёте его там.

— Вы хотите, чтобы я туда пошла?

— Я хочу, чтобы вы не пошли. Но если всё-таки решите, не берите фонарь с мигающим светом. Там нельзя считать шаги.

Вера убрала ключ в карман. Снаружи начал падать снег. Она вышла из мастерской и направилась к Набережной. Ветер гнал по тротуару мелкую ледяную крупу. Город постепенно растворялся в сумерках. Между домами шестнадцать и восемнадцать действительно находился двор. Детская площадка, мусорные баки, припаркованные машины. Никакого переулка.

Вера прошла вдоль забора и остановилась возле кирпичной стены старой котельной. Калитка была заложена свежей кладкой, как и говорил Семён Ильич.

Она достала ключ. На кирпичах справа от кладки кто-то выцарапал семь коротких вертикальных линий. Последняя была перечёркнута. Вера коснулась их пальцами. Из-за стены донёсся слабый звук.

Сначала она приняла его за ветер. Потом различила скрип качелей. Во дворе никого не было. Звук повторился — медленно, с длинной паузой, словно кто-то раскачивался, отталкиваясь ногами от земли.

Вера отступила. На противоположной стороне двора стояла девочка в синем пальто. Лицо её было скрыто капюшоном. Она держала в руке бумажный кораблик.

— Вы заблудились? — спросила Вера.

Девочка подняла голову.

— Нет. Я жду брата.

— Как его зовут?

Девочка посмотрела на стену котельной.

— Он говорит, что вы должны прийти без опоздания.

Вера сделала шаг к ней.

— Кто он?

Но девочка уже бежала прочь. Синий силуэт исчез за углом дома. Вера снова посмотрела на кирпичную кладку. Между двумя кирпичами выступила тонкая полоска света. На секунду ей показалось, что за стеной горит лампа в длин-

ном пустом коридоре.

Потом свет погас. В кармане завибрировал телефон. На экране высветилось сообщение с неизвестного номера:

«Не ищи улицу. Она сама тебя найдёт».

Ниже стояло время отправки: 19:99.

ГЛАВА 5. ЧЕЛОВЕК НА СНИМКЕ

◆

Вера вернулась домой пешком. Снег усилился. Он ложился на плечи, таял на ресницах и забивался в воротник. По дороге она несколько раз проверяла телефон. Сообщение с неизвестного номера исчезло, но уведомление о нём осталось в журнале. Время отправки теперь отображалось как 19:09. Она сохранила скриншот и убрала телефон.

У подъезда её ждала Нина Савельевна. Старуха стояла под козырьком, прижимая к груди ту самую коробку из-под печенья.

— Я передумала, — сказала она вместо приветствия. — Вам нужно это увидеть.

Они поднялись в квартиру Веры. Нина Савельевна отказалась снимать пальто и осталась возле двери, будто не хотела заходить глубже прихожей.

— Вы были сегодня в архиве? — спросила она.

— Да.

— Тогда они уже знают.

— Кто — они?

— Не знаю. Раньше я думала, что это люди. Потом перестала быть уверена.

Старуха поставила коробку на стол и вынула фотографию. Вера сразу узнала снимок возле песочницы. Только теперь

изображение было чётким: лицо мальчика в красном свитере проступало из пятна, словно кто-то медленно проявлял его в тёмной комнате. На фотографии Миша был младше Веры примерно на два года. У него были светлые волосы, серьёзные глаза и маленькая родинка возле левого виска.

Вера почувствовала, как в голове что-то щёлкнуло. Она знала эту родинку. Не потому, что видела её на снимке. Она помнила, как однажды пыталась стереть её пальцем, решив, что это грязь. Миша тогда рассмеялся и сказал, что родинка не стирается, потому что он настоящий. Воспоминание было настолько ясным, что Вера невольно улыбнулась.

— Я вспомнила, — прошептала она.

Нина Савельевна внимательно посмотрела на неё.

— Что именно?

— Его смех. И родинку. Он был... он был маленьким.

— Ему было пять, когда всё случилось.

— Что случилось?

Старуха села на край стула.

— В тот вечер ваш отец пришёл ко мне без пальто. На руках он нёс мальчика. Миша спал, но лицо у него было мокрое, будто он долго плакал. Андрей попросил меня спрятать его на несколько часов.

— От кого?

— Он не сказал. Сказал только: «Если кто-нибудь спросит, у меня никогда не было сына». Я отказалась. Разумеется, отказалась. Я вызвала бы полицию, если бы он не посмотрел

на меня так, словно уже видел, что будет дальше.

— И вы спрятали его?

Нина Савельевна покачала головой.

— Нет. Я испугалась. Попросила Андрея уйти. Он ушёл с мальчиком. Это последнее, что я помню точно.

— А потом?

— Потом утром я проснулась и не могла вспомнить, почему на столе стоит детская чашка. Несколько недель пыталась понять, кому она принадлежит. А потом перестала замечать её. Ваш отец приходил ко мне ещё много раз. Он приносил фотографии, записки, просил повторять имя. Я делала это, пока могла.

— Почему перестали?

Нина Савельевна посмотрела на свои руки.

— Потому что однажды забыла имя собственной дочери.

Вера ничего не сказала.

— Она жила в другом городе. Звонила каждую неделю. Однажды я подняла трубку и не узнала её голос. Спросила, кто это. Она расплакалась. После этого я попросила Андрея больше не приходить.

Старуха достала из коробки второй снимок. На нём были Вера и Миша у подъезда дома номер семнадцать. Мальчик держал бумажный кораблик. На обороте стояла дата: 12 декабря 1999 года.

— Это был последний день, когда я видела их вместе, — сказала Нина Савельевна.

Вера взяла фотографию.

— Но здесь нет меня.

Она была права. В кадре стоял один Миша. Он смотрел прямо в объектив и держал кораблик перед собой.

— Значит, вы не видите меня? — спросила Вера.

— Я вижу вас. Но фотография не всегда показывает то, что было.

— Это бессмыслица.

— Возможно. Но посмотрите на окно.

За спиной мальчика, на третьем этаже, было видно освещённое окно квартиры Ланских. За стеклом стояли два силуэта. Один высокий, другой — маленький. Вера наклонилась ближе. На стекле изнутри кто-то нарисовал пальцем круг и вертикальную линию — знак, похожий на цифру семь.

— Что это означает?

— Андрей говорил, что это метка прохода. Где-то рядом с домом есть место, которое помнит обе версии города. Ту, где Миша жил, и ту, где его не было.

— И как туда попасть?

— Не знаю. Но ваш отец оставил мне ещё одну вещь.

Нина Савельевна вынула из коробки конверт, запечатанный пожелтевшим скотчем. На нём было написано: «Открыть, если Вера вспомнит». Внутри лежал небольшой листок с адресом и временем. Лазарная улица, дом 7.

12 декабря. 23:17.

— Сегодня двенадцатое? — спросила Вера.

— Нет. Сегодня пятое декабря.

Вера посмотрела на листок. Под адресом отец написал: «До даты осталось семь дней. Не опаздывать».

— Почему вы не отдали это раньше?

— Я не могла. На конверте была печать. Андрей сказал, что он откроется только после того, как вы вспомните хотя бы одну вещь о мальчике.

— Это невозможно.

— Сегодня вы вспомнили.

Старуха застегнула пальто.

— И ещё. Если увидите его, не спрашивайте, сколько времени прошло. Для него может быть совсем не так, как для нас.

— Вы думаете, он жив?

Нина Савельевна долго не отвечала.

— Я думаю, что он ждёт.

Она направилась к выходу, но у двери обернулась.

— Вера Андреевна, вы ведь помните, что обещали ему?

Вера покачала головой.

— Вы обещали, что если он однажды потеряется, вы найдёте его по третьему звонку.

Старуха вышла. Вера осталась стоять в прихожей с листком в руке. В ту же секунду в стене раздались три удара.

Первый.

Второй.

Третий.

Она не стала считать. Но сердце уже считало за неё. Из комнаты донёсся детский голос:

— Ты вспомнила не всё.

ГЛАВА 6. КОМНАТА ЗА СТЕНОЙ

◆

До полуночи Вера не включала свет в коридоре. Она сидела на кухне, положив перед собой фотографию, пуговицу и отцовскую записку. За стеной больше никто не стучал. Это молчание тревожило сильнее, чем звуки. На листке значился адрес, которого не было на современных картах. Лазарная улица, дом семь. Дата — двенадцатое декабря, 23:17. До неё оставалась неделя.

Вера попыталась найти хоть какое-нибудь упоминание улицы в интернете. Результаты выдавали старый лазарет, несколько архивных публикаций и одну карту, на которой название было перечёркнуто красным карандашом. Ссылка на цифровую копию вела на страницу с ошибкой. Она сохранила все доступные изображения и закрыла ноутбук. Ей нужно было понять, что отец успел спрятать в квартире.

Вера начала с письменного стола. Выдвинула ящики, сняла книги с полок, проверила коробки с документами. В нижнем отделении обнаружилась папка с чеками и гарантийными талонами. Внутри лежал маленький ключ, похожий на тот, что дал ей Семён Ильич, но с квадратной головкой. Ключ был обмотан полоской бумаги. На ней отец написал: «Детская. За шкафом».

Вера несколько секунд смотрела на записку. Её детская

комната теперь служила отцу кабинетом. У окна стоял стол, вдоль стены — шкаф с архивными коробками. Кровать давно убрали, обои переклеили, но на потолке сохранился бледный след от старой люстры.

Она отодвинула шкаф. За ним обнаружилась узкая полоса стены, отличавшаяся оттенком. Вера провела ладонью по поверхности и почувствовала тонкую щель, уходившую вертикально вниз.

Это была дверь. Не обычная межкомнатная дверь, а маленькая панель, замаскированная под участок стены. По краям её когда-то заклеили обоями, но время и влага ослабили клей. Вера вставила ключ в отверстие. Поворот дался с усилием. Внутри что-то сухо щёлкнуло.

Она потянула панель на себя. За ней находилась неглубокая ниша, в которой лежали три предмета: детская варежка, кассетная коробка и тетрадь в синей обложке. Вера достала варежку. Красная шерсть выцвела, на большом пальце распустилась петля. Внутри сохранилась бирка с инициалами М. Л. Она не помнила, чтобы когда-нибудь держала эту вещь. Но узнала её сразу.

— Мишина, — произнесла Вера.

И тут же пожалела, что сказала это вслух. В квартире погас свет. Из коридора донёсся скрип, словно кто-то медленно передвинул стул. Вера замерла, прижимая варежку к груди. Затем достала телефон и включила фонарик.

На стене за нишей проступили детские рисунки. Они бы-

ли сделаны карандашом прямо по штукатурке: дом, дерево, две фигуры и длинная лестница, уходящая под землю. Над одной фигурой было написано «В», над другой — «М». Ниже шла фраза, написанная неровными буквами:

«Если дверь откроется, не пускай его первым».

Вера перевела луч фонарика на тетрадь. Первые страницы были заполнены почерком отца. Он записывал даты, адреса, имена людей и короткие наблюдения. Некоторые строки были вычеркнуты так сильно, что бумага прорвалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.